Текст · 21 марта 2024, 09:02
Никита Сологуб, Алла Константинова,

«Херово, тупо и по-клоунски». Четыре рассказа наблюдателей с президентских выборов

Президентские выборы — 2024, по мнению множества экспертов, стали самыми сфальсифицированными в истории современной России. Фальсификаций было так много, что даже проверенные статистические методы, которые работали в 2000-е и 2010-е годы, не позволяют адекватно оценить масштаб происходившего 15–17 марта. «Медиазона» решила обратиться к личным свидетельствам и попросила нескольких наблюдателей, которые были во время голосования и подведения итогов на участках в Басманном и Южнопортовом районах Москвы, рассказать о своем опыте: о безразличии коллег, предложениях вместе придумать результат и игнорировании бумажных бюллетеней.

Марина[1]. «Наблюдатели были абсолютно амебными»

Я наблюдала в субботу и воскресенье. Ко мне члены нашего УИКа сначала относились хорошо: говорили со мной про жизнь, интересовались моей учебой, кормили… Но ровно до того момента, пока не начался подсчет голосов.

По сути, после восьми вечера подсчетом голосов занималась только «тройка» — председатель, его заместитель и секретарь комиссии. Все остальные буквально ничего не делали. Среди членов комиссии

были учительница, сотрудница комиссии по делам несовершеннолетних, соцработники — большинство, как я поняла, бюджетники.

Во время погашения неиспользованных бюллетеней и запаковки пакета один мужчина вслух читал «Графа Нулина» Пушкина — он в театре играет. Реально круто читал, я теперь хочу к нему на спектакль. Другие объясняли слова в игре «Выкрутасы» — надо сказать, я тоже поиграла, — говорили о жизни.

По факту между сортировкой и подсчетом бюллетеней не было никакой границы. Они даже не объявили начало подсчета, мне самой пришлось уточнять: «Простите, а это уже подсчет? Тогда давайте я встану рядом, и вы будете считать одну стопку бюллетеней, а не три одновременно?». Но мне отвечали, что «у них так заведено», они работают таким составом не первый год и вот это вот все.

Пересчитывать кучу стопок [бюллетеней] они начали одновременно. То есть невозможно было следить за тем, что там они считают и правильно ли рассортированы стопки. Я добилась просмотра только стопки с испорченными бюллетенями, потому что боялась, что там окажутся действительные бюллетени. Изначально члены комиссии хотели бюллетени с одной галочкой и надписью — вроде «Выборы без выбора — повод задуматься» — засчитать недействительными, я начала говорить, что это неправильно. В итоге они куда-то написали, уточнили — им ответили, что да, это нормальные бюллетени, и они их засчитали.

Другие наблюдатели были абсолютно амебными, некоторые даже пытались доказать мне, что я неправильно наблюдаю. Там была девочка 18 лет, от Общественной палаты. Я ее в первый день спрашиваю: «Вы от кого наблюдаете?». Она: «Я от Общественной...». И дальше не может вспомнить. Потом разговаривали с ней — она про «Полдень против Путина», например, вообще ничего не знала.

Кстати, к акции «Полдень против Путина» члены нашего УИКа готовились, у них было распоряжение в 12 часов 17 марта быть всем на местах. На всех участках — Басманного района, по крайней мере — выставили вторую кабинку и урну для голосования, начали дольше досматривать. У нас на участке стояла очередь, а рядом — группа провокаторов из НОД[2].

, у них были значки, георгиевские ленточки, буквы *Z*. Некоторые члены УИКа про «Полдень против Путина» говорили, что «это все экстремисты», «ненормальные» и так далее. Про тех, кто портит бюллетени, они говорили: «Ну, не у всех с головой все хорошо». А еще то, что они все «зомбированные».

Итоговое заседание в итоге прошло в виде бубнежа председателя и зампреда между собой. Председатель сидел, заместительница стояла рядом, и они просто переговаривались: жалоб нет, все рассмотрели, все посчитали. В это время тоже все занимались своими делами, а я плакала — к тому времени на меня накричали, наверное, раз семь уже. Кричали, что я тут всех задерживаю, развожу какой-то цирк. В общем, очень сильно давили на меня, я это даже записала на аудио. И в итоге на меня так надавили, что я уже не знала наверняка, что я вообще должна просить [показать] и у кого.

Я поняла, что все это бесполезно, что не смогу на них написать жалобу. Кроме того, у меня не было никаких доказательств. Все это выглядело как упрощенная процедура, которая установлена конкретно этим УИКом — она им всем удобна, и им так нормально. Думаю, что если были какие-то махинации и кто-то хотел вбросить за Путина, то об этом знал максимум председатель комиссии, ну, или только «тройка». Остальные просто хотели домой, и в этом их можно понять.

А я потом еще долго плакала и отходила, на следующий день с трудом могла работать.

Юрий[3]. «Председатель спросил меня, сколько бы я хотел, чтобы набрал "мой" кандидат»

На моем участке до определенного времени все было нормально. Не считая мелких нарушений, вроде того, что председатель комиссии перед началом

голосования не зачитал вслух, сколько избирателей всего.

Но в третий день мне буквально предложили «нарисовать» выборы. Сначала мы с председателем какое-то время просто говорили о том, кто из кандидатов нам нравится. Он спросил меня, сколько бы я хотел, чтобы набрал «мой» кандидат — Даванков. Я говорю: «Ну, мне кажется, будет здорово, если он наберет процентов 20». А потом председатель просто нарисовал [на бумаге] цифры и сказал: «Давай Даванкову отдадим 13 [процентов], а Путину — 80?».

Я отказался, говорю: «Считаем честно». Он ответил: «Ну, давайте считать честно». Насчет остальной комиссии не знаю, но знаю точно, что он предложил это мне. Я был единственным независимым наблюдателем. Честно говоря, я не думаю, что у него была какая-то конкретная цель. Думаю, что он не так хотел вбросить [бюллетени] — ему было в принципе все равно на результат. Или считать голоса не хотел.

В итоге считали честно. Я следил за подсчетом, и все было нормально, нарушений не было, я могу за это ручаться. То, что мне предложил председатель, — это, конечно, нарушение. Но я никак не могу его доказать, запись я не вел.

Пожилая женщина голосует на дому в Москве 16 марта 2024 года. Фото: Natalia Kolesnikova / AFP

Полина[4]. «Приключения начались уже постфактум»

Я наблюдала на участке Южнопортового района Москвы № 1654. Работая наблюдателем на этих выборах, я много ходила по «надомникам». 99 процентов «надомников» — это бабушки и дедушки, которые голосуют за Путина. Но был и дедушка 1934 года рождения, который проголосовал за Даванкова. Это что-то удивительное.

Некоторые члены комиссии несильно разбираются в электоральном законодательстве, надо сказать. В целом уровень их подготовки достаточно низкий, хотя люди не первый год работают на выборах. Например, искренне удивлялись, когда я им говорила о вбросах на некоторых участках.

А еще избирателям постоянно говорили про лотерею при электронном голосовании. Спрашивали: «Как будете голосовать — традиционно, бюллетенем, или электронным голосованием? Вы там можете выиграть миллион призов!». Вот буквально дословная цитата. Я знаю, что формально они имеют право это рассказывать. Но у них нет понимания, что электронное голосование связано с фальсификациями. Поэтому я попробовала пресечь это, сославшись на закон о лотереях и розыгрышах во время выборов[5].

При подсчете голосов я не заметила ничего такого, вбросов не зафиксировала. Приключения начались уже постфактум. Дома я решила послушать видео, которое сняла при подсчете голосов. И только на том трехминутном видео голосов у Даванкова получилось

больше, чем голосов в [итоговом] протоколе. В протоколе — 31, на видео — где-то 46–49. У Путина получилось 923 голоса.

Наблюдателем на выборы меня направил местный член ТИКа, доверенное лицо Николая Харитонова. Я ему предложила: «Давайте подавать иск в суд!». На это он мне сказал: «Я в выборах уже больше десяти лет. Вы же понимаете, что никакого результата не будет. Судьи назначаются Путиным».

Я и сама уже третий раз работаю наблюдателем на выборах и могу сказать, что отсутствие юридического сопровождения после выборов — это очень большая проблема. Во время выборов есть горячая линия движения «Голос» — я могу позвонить и задать вопросы, поговорить о каких-то юридических аспектах. Или написать в бот, зафиксировать нарушения. Но когда я написала им с вопросом, есть ли у них юристы, которые могут составить иск с требованием признать результаты голосования на моем участке недействительными, мне ответили, что они занимаются непосредственным сопровождением выборов. Все, что после, — юристов на это нет. Не могу винить в этом «Голос», они НКО с ограниченным ресурсом, но это тоже большая проблема. Сколько бы я ни спрашивала то же самое у каких-то смежных правозащитных инициатив, все отвечали, что никого не могут найти.

Кстати, было видно, что некоторым на участке [итоговые] результаты за Путина нравятся не совсем. Когда подсчет голосов завершился, одна из членов комиссии говорит: «А у нас тут камеры с прослушкой или нет? Можно уже говорить честно?».

Алена. «Когда я поняла, что они делают, я была просто в полнейшем ахуе»

Я была наблюдательницей на 33-м УИКе в Басманном районе Москвы. Результаты выборов на этом участке были сфальсифицированы.

Сам подсчет велся с адскими нарушениями. Они считали одновременно, человек семь. Когда я сказала, что считать должны бюллетени по одному, всем показывать и зачитывать конкретного кандидата и уже тогда класть в стопку и учитывать этот голос, они просто рассмеялись и сказали, что «мы лучше знаем, потому что мы не первый раз выборы так проводим». Я им зачитала положение, согласно которому бюллетени должны подниматься по одному. Они сказали: «Нас не волнует, мы не хотим сидеть до утра».

Видео на YouTube

YouTube

Подсчет результатов голосования. УИК №33, Басманный район, Москва

@Медиазона

https://youtu.be/rPcZtNK6i5s

Самое интересное, что когда они вот таким образом все посчитали, заместитель председателя записал их

цифры на бумажку, но не озвучил мне. С момента подсчета и до внесения цифр в протокол прошло два часа. Они ждали, пока им пришлют нужные цифры. У меня все эти два часа, естественно, была полнейшая истерика. Я требовала выдать мне цифры. Я требовала вписать их в протокол. Я написала жалобу, а председательница комиссии у меня просто не приняла ее.

За эти два часа я пыталась для себя найти хотя бы какое-то разумное объяснение тому, что происходит, потому что до последнего не верила, что они, зная, что на участке находится независимая наблюдательница, будут вот так вот просто топорно, внаглую фальсифицировать протокол.

Когда им пришли цифры, они распечатали бумажку с *QR*-кодом и уже внесенными голосами за каждого кандидата. И заместитель председателя комиссии просто под мою видеозапись начал переписывать из этой бумажки распечатанной количество голосов. Прямо на камеру говорит, что вносит их из компьютера. Я спрашиваю: «А что по реальному подсчету?». И он начинает меня обманывать, что якобы это вместе с электронным голосованием и так и должно быть, потому что компьютер лучше знает.

Видео на YouTube

YouTube

Внесение результатов в увеличенную форму протокола. УИК №33, Басманный район, Москва

@Медиазона

https://youtu.be/0xtXSpNaROk

Дальше на этом видео я просто показываю стопку бюллетеней за Даванкова, и там видно, что лежит три пачки по 50 штук и сверху еще несколько бюллетеней. То есть голосов было 152, а внесли они 82 из компьютера. Точно так же голоса по Путину. Было насчитано 545, а они внесли 630 с чем-то. Это прямая фальсификация, и они это оправдывали тем, что якобы машина лучше знает, потому что у них нет данных, сколько было за кого бюллетеней. Это все неправда, потому что они считали руками — у нас не было КОИБа[6].

Когда я поняла, что они делают, я была просто в полнейшем ахуе. Я скинула в чат наблюдателей запись, и мне сказали вызывать полицию. Я позвонила в полицию первый раз, и операторка 102 была в шоке. Она говорит, типа: «Что?! А как они вообще это объясняют? Как члены комиссии объясняют то, что они вносят данные не подсчета, а с какого-то компьютера?».

33-й УИК. Фото предоставлено героиней материала

Она вызвала наряд, и все шло нормально. При этом в самом участке в этот момент находился участковый, и как только я вызвала полицию, комиссия начала

звонить по своим инстанциям, все забегали, и участковому тоже начали звонить.

Прошло полчаса, у меня в этот момент начались месячные, а я просто стою рядом с бюллетенями. Я понимала, что если я отойду, они тупо все эти стопки за Даванкова уничтожат. Поэтому я просто стояла там, у меня текла кровь по ногам, и я не могла ничего сделать. При этом я обращалась к участковому, говорила: «Ну что, где полиция? Вам только что звонили, я прекрасно слышала, как вы разговаривали».

Через полчаса я позвонила второй раз в полицию, взяла трубку уже другая женщина, которая спросила: «И что вы хотите?». Я говорю: «Я хочу, чтобы приехала полиция, потому что произошло уголовное преступление по статье 142.1 УК». Она такая: «Окей, ждите». И положила трубку.

Через какое-то время участковый мне сказал, что полиция не приедет, а приедут члены ТИКа. Они действительно вскоре приехали, я объяснила им ситуацию, и они такие: «А нам кажется, что это просто ты пытаешься сорвать выборы». Но было видно, что они тоже немного напуганы. Они сначала закрылись с комиссией в их совещательной комнате, спросили у комиссии о претензиях к подсчету — те, конечно, сказали, что их нет. Потом они куда-то ушли, и я думала, что приедет полиция, что все будет нормально, но вскоре они вернулись, позвали опять всю комиссию в комнату и забыли закрыть дверь. Я слышала все, что там происходит.

А происходило следующее: один из этих мужчин из ТИКа сказал Юрию Кембелю, зампредседателя комиссии, который, собственно, рисовал цифры в протоколе: «Где твои подсчеты?». Тот дал ему бумажку, на которой он ручкой записал, сколько за какого кандидата подсчитали в ручном подсчете. Этот мужчина из ТИКа берет эту бумажку и такой: «Ну вот, ты же сам написал 152 за Даванкова!».
И он начал зачитывать реальные цифры, которые там были. Я их записала, посчитала проценты, получилось, что у Путина 65,5%, у Даванкова — 18,2, [то есть] у Даванкова украли 70 голосов, а Путину дорисовали 88.

В какой-то момент они, видимо, захотели перепечатать протокол, и у них получилось в сумме, вместе с недействительными бюллетенями, больше, чем то число, которое было зафиксировано как число выданных на комиссию бюллетеней. Потом они все пошли к компьютеру. Я думала, что они начнут искать в компьютере, сравнивать количество выданных бюллетеней по их системе и, может быть, скорректируют это число, у них все сойдется, они напишут нормальный протокол. Прошло еще довольно много времени, я не отходила от бюллетеней, они все это делали довольно молча, не смотря друг другу в глаза, то есть им было всем как бы друг перед другом стыдно.

Все закончилось тем, что приехали какие-то две верховные женщины, явно из какой-то более высокой инстанции, например из ЦИКа, и они с порога, распахнув дверь, начали кричать очень властно: «Что тут происходит? Комиссия, почему не подписываем протокол?». И комиссия выстроилась в очередь

к протоколу и начала его подписывать. В этот момент я подошла посмотреть, какой протокол они подписывают, и поняла, что они подписывают фальшивый — все же 82 за Даванкова.

33-й УИК. Фото предоставлено героиней материала

Я начала говорить, что это фальсификация. Меня никто не слушал, они мне начали угрожать, что я срываю выборы, что они вызовут полицию, нажалуются на меня, там, еще кому-то. Я просто смотрю на участкового и говорю: «Вы же видели, что происходит уголовное преступление при вас». Он такой: «Ну девушка, ну простите, ну что я могу сделать? Я вообще здесь для охраны порядка, я никак не могу на это повлиять».

Для рядовых членов комиссии как будто бы до моего звонка в полицию и до того, как я обратила все внимание на разницу между стопкой и числом в протоколе, было неясно, что происходит. Как будто бы, когда я позвонила в полицию, многие члены комиссии начали задумываться, потому что я слышала, как они перешептывались: «А ведь реально, он внес не те числа, почему он внес не те числа, почему он внес из компьютера?». И я поняла, что реально комиссия не понимает, что происходит. Они не знают ни одного закона, связанного с проведением выборов.

Меня шантажировали тем, что заберут в полицию за то, что я снимала участкового. Они даже не знают закона о полиции: полицейских при исполнении можно снимать. В их логике все сотрудники органов власти должны быть защищены больше, чем граждане. Мне в течение этих двух дней запрещали перемещаться и снимать, притом я, как только пришла, дала им на подпись стандартное заявление, в котором требовала выдать мне копию итогового протокола и уведомление о проведении фото- и видеосъемки. Они подписали и поставили печать, но при этом все равно запрещали и убеждали, что снимать незаконно.

33-й УИК. Фото предоставлено героиней материала

Естественно, когда они в очередной раз в воскресенье позвали полицейскую, чтобы она со мной разобралась, я, опять же, ссылалась на законы о полиции. И когда они перешли на то, что на участке снимать нельзя, полицейская, собственно, потребовала у меня бумажку с разрешением. Я ей показала, она очень удивилась: «Не поняла, то есть вы сами ей выдали разрешение на съемку?». И после этого ушла.

Люди из комиссии реально пытались от меня избавиться. Я курю самокрутки — за эти два дня я от нервов выкурила всю пачку, — и члены комиссии убеждали участкового, что я курю наркотики, что меня надо задержать за это. Я показала участковому

акциз на упаковке, он, естественно, не сделал ничего. Дошло до того, что полицейский заметил мой рюкзак, на котором висит кошелек из «Икеи», и сфотографировал его с вопросом, чей это флаг. Я объяснила, что это флаг Швеции, который использует в своем логотипе «Икея». Он не поверил и стал гуглить.

Всех склоняли к голосованию на ТЭГе[7], это

преподносилось как что-то более актуальное, чем старый, никому не нужный бюллетень. Один мужчина сказал, что не хочет расписываться электронно. Я сказала участнице комиссии: «Выдайте ему распечатку из бумажного реестра, чтобы он расписался ручкой, это же его волеизъявление, вы же его прекрасно слышали». Ну просто по-человечески. В ответ она рассмеялась, типа: «Простите, я и не знала, что такое может быть».

То есть к собственным обязанностям они относились издевательски, как и к моим претензиям о нарушениях, которых было огромное количество. Меня доводили до слез каждые два часа — не только из-за самого наблюдения, но и из-за реакций на мои заявления. В какой-то момент, когда мне пытались отказать в том, чтобы я расписалась на сейф-пакете, хотя по закону наблюдатели могут это делать, у меня началась уже просто дереализация. Я перестала вообще слышать их ор, которого было настолько много, что я уже перестала его воспринимать.

Мне очень жаль, что я не смогла все-таки добиться того, чтобы они внесли реальные данные в протокол. До этого я наблюдала один раз, мне было 16 лет, в 2012 году. Тогда не было электронного голосования

и просто делали вбросы. Я думала, что моя главная задача сейчас будет — следить за тем, чтобы людей не склоняли к электронному голосованию. Но по факту это оказалось таким же наглым вбросом, фальсификацией, с которой ничего не поделать. Они провернули ее херово, тупо и по-клоунски, абсолютно некрасиво. Полный цирк.

Редактор: Мика Голубовский

---

1. Имя изменено.

2. Сторонники пропутинского Национально-освободительного движения (НОД), участники акций против российских оппозиционеров.

3. Имя изменено.

4. Имя изменено.

5. Пункт 3 статьи 56 закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» гласит: «В период избирательной кампании, кампании референдума не допускается проведение лотерей и других основанных на риске игр, в которых выигрыш призов или участие в розыгрыше призов зависит от итогов голосования, результатов выборов, референдума либо которые иным образом связаны с выборами, референдумом».

6. Комплекс обработки избирательных бюллетеней — электронное устройство для подсчета голосов в бюллетенях.

7. Терминал электронного голосования.